

Сенсومه потребовалось целых шесть месяцев, чтобы разработать свою вторую технику, которой Тобирама тут же присудил S-ранг. А после вклеил «запрещенная техника», полностью разобравшись с принципом работы.

Томура и сам смотрел на свое детище с опаской. Печать Силы Сотни оказалась... несовершенной.

Во-первых, техника требовала тотального контроля чакры, причем — постоянного. В Печать на теле всегда должен был поступать ручеек с одинаковым объемом чудо-энергии. Даже когда владелец спит! В противном случае — техника просто будет рассеивать накапливаемую чакру. Второе — из-за постоянного оттока с естественного резерва, общий уровень чакры владельца техники был не очень стабильным. Другими словами — чакроканалы привыкали к более медленному току телесно-духовной энергии по ним, из-за чего общий резерв мог уменьшиться в объеме. Сенсومه, благо, такое не грозило, из-за уникальной слабости его очага — падать ниже было уже просто неприлично. Третье — правильно дозировать чакру, при активации Печати, было очень трудно. Даже лучшие ирьенины лишь разводили руками, говоря, что контроль, для максимально эффективного использования этой техники, должен быть божественным.

Однако и плюсы имелись. Печать, как и все фуин, содержала в себе чакру, которую Сенсома смог бы легко использовать как для техник, так и для собственного усиления. Еще он мог передавать эту чакру другим (особенно хорошо у него получалось накачивать этой чакрой свои фуин), что делало технику еще более полезной. Теоретически — у Печати Силы Сотни был ирьенинский потенциал, но как его раскрыть Сенсома пока не ведал, да и не до того было.

Он пытался овладеть своим созданием.

С контролем оттока в Печать (расположенную на лбу — там удобнее всего) нужного количества чакры проблем почти не было — за пару тренировочных дней Томура успел отлично научиться это делать. Но в том-то и проблема, что «дней». Ночью вся набранная чакра уходила в пустоту, развеивалась. Сенсома даже не спал пару ночей к ряду, дабы «привыкнуть и преуспеть», но, как и предрекал Мадара, у него ничего не вышло. Когда ребенок ложился спать, Печать рассеивалась.

Выручила, ожидаемо, Мито. Она создала специальные фуин, которые помогали ученику Бога Шиноби с «ночным контролем». Конечно, ими приходилось полностью облепляться, да и сон стал хуже, но это уже был прорыв — Сенсома верил, что привыкнет к такому. Узумаки и себе разрабатывала Печать, но особую, чтобы у нее не было слабостей Печати Сенсомы, а именно — нужды контроля оттока даже во сне. Пока получалось слабовато, но Мито не сдавалась, что означало, что технику она до ума доведет.

В общем — перерожденный развлекался как мог, ведь на этот год у него просто уйма дел, которые нужно сделать, чтобы стать еще сильнее. Возможно, полностью освоив Врата (немного позабытые за исследованиями Печати) и Силу Сотни, Сенсومه найдется что противопоставить самому Богу Шиноби, а то и обоим (по очереди, конечно).

А вот Мадара пребывал в худшем расположении духа...

За полгода с памятного разговора с уважаемым родичем, Джун сильно продвинулся в клане, став признанным гением в нем. Третье Томое покорится ему уже совсем скоро, он чувствовал это, так что и ученичество у самого Бога Шиноби из их клана было не за горами.

Но молодой Учиха не был на седьмом небе от счастья.

Первой причиной тому являлось отношение клана к своему главе. Мадару стали недолюбливать. Он пытался изменить политику величайшей из существующих деревень, ужесточить ее, дабы сохранить мир во всем мире. Он, как и Хаширама, желал для всех счастья и процветания, только имел свой, отличный от Первого Хокаге, взгляд на вещи.

Но даже собственный клан его не поддерживал!

Учихи размякли и стали довольствоваться тем, что имеют — спокойной сытой жизнью, без конфликтов и войн. Они прогнулись под Сенджу с их идиотскими мечтами о мире, достижимом лишь с помощью дружбы и цветочков.

Джун сжал кулаки.

Так не бывает! Мир жесток, и уж Мадара-сама точно знает это! Как и Хаширама! Но тогда почему Сенджу так яростно встают на дыбы, когда речь заходит о власти с жесткими мерами? Ответ очевиден — деревянный и альбинос боятся за свою власть. Трясутся над ней, считая, что если они выберут правильный путь, основанный на жесткости, то Мадара-сама встанет у руля, ведь он куда жестче!

Да. Все именно так!

Второй проблемой Джун был Сенсома — ученик главы клана, с которым тот проводил слишком много времени. А уж учитывая, как к этому факту относился сам Томура... Как будто так и надо! Как будто у Мадары-самы больше дел других нет, как нянчиться с ним!

Правда и Мадара-сама ведет себя с ним... нормально. Как будто ему нравится общество этого безродного выскочки. Наверное, великий Учиха притворяется... Да-да, наверное так и есть!

А еще Джуну за целых полгода не удалось выловить этого сироту на разговор по душам... Он редко где появляется без сопровождения Мадары-самы, да и вообще редко куда выходит, кроме как на полигон (с уважаемым родственником, конечно) или в дом к Хокаге (нападать на него вблизи покровительствующих сироте Сенджу? Ну уж нет!). В общем — провал.

Да и вообще этот Сенсома какой-то странный. Говорят, что он почти не спит по ночам, а если и ложится, то обклеивается печатями, будто демона в себе запечатывает. Глава клана смотрит на это снисходительно, но и его терпению, похоже, приходит конец — тренировок для Томуры стало меньше, что могло означать лишь одно — легендарный Учиха устал от назойливого безродного.

Ну ничего. Совсем скоро Шаринган Джун станет завершенным, и тогда Мадара-сама примет его в ученики.

Сам Мадара медленно сходил с ума от сидения в этой чертовой деревне и встреч с ее чертовым Хокаге. Особенно с Хокаге.

Хаширама дает миру слишком много поблажек. Он считает, что люди изменятся, если показать им пример мирного сосуществования. С Конохой этот фокус прошел — кланы привыкли к совместной жизни за жалкие пару лет, но вот целый мир — совсем другая штука. Мадара не обманывал себя, думая, что спокойствия и процветания можно добиться лишь с

помощью жестких мер.

Но его же собственный клан его и предал!

Эти глупцы разленились и остались сыты у кормушки Сенджу. Им не нужен мир во всем мире, а не только в Листе, им нужно, чтобы от них отстали.

Из деревни следовало уходить...

Единственное, что держало Мадару в Конохе, называлось его учеником и с каждым днем все больше и больше походило на двух совершенно разных людей. Изуну и...

Тобираму.

Великий Учиха мог лишь бессильно скрипеть зубами — Сенсома будто оказался на распутье, которое предлагало ему сделать выбор — младший Учиха или младший Сенджу. Конечно, Мадара в глубине души признавал, что у них с Хаширамой оказались очень похожие младшие братья, но тот факт, что Томура теперь не всегда казался ему таким... родным...

Бесил.

Впрочем, скоро можно будет ни о чем не беспокоиться. Джун пробудит завершенную форму Шарингана уже через пару месяцев, а там останется лишь собрать вещички и сделать Конохе ручкой. «Пока, дорогая! Загнивай без меня!»

— Без нас, — тихо бормотал себе под нос Мадара, сидя у себя в кабинете. — Без нас с... Изуной...

— Ты выглядишь... более выспавшимся, — заметил Мадара, когда Сенсома зашел к нему в комнату.

— Сегодня я спал семь часов!

— И ток чакры на лбу ощутим, хоть пока и невидим, — удовлетворенно хмыкнул Учиха. — Ты освоил Печать Силы Сотни.

С момента создания техники, которая позволила бы Сенсому встать вровень с нормальными шиноби по количеству чакры, прошло три месяца. Мальчик почти не развивал тело для Врат и не занимался никакими сторонними исследованиями. Даже познание других природных преобразований отошло на третий план. Печать Томуре была просто жизненно необходима.

Можно сказать, что за все время, прошедшее с памятного девятилетия, Сенсома не развивал ничего, кроме Силы Сотни. Мадаре не особо это нравилось (ведь пришлось даже урезать время и количество привычных тренировок!), но он прекрасно понимал, какие широты откроет эта техника для его ученика. Фуин-ниндзюцу такого уровня, совмещаемое с Вратами, ставило Томуру на уровень сильнейших шиноби своего возраста или даже поколения. Пусть мальчик и не мог подолгу использовать обе эти техники...

— Всего две печати на ночь! — восторженно похвастался Сенсома, плюхаясь на, уже ставшую привычной, кровать главы клана Учиха. — Многие люди совершенно не ценят своего счастья, когда ложатся спать без бумажек на теле!

— В твоих словах я слышу укор, — Мадара макнул кистью в чернила — традиционные предметы для письма были ему ближе. — Но я родился сильным. Мне не нужны бумажки на ночь.

— Вы родились сильным... — Томура сильно зажмурил глаза и резко их распахнул. — А я родился умным. И, когда-нибудь, я надеру вам зад с помощью своего ума!

Учиха прервался и серьезно посмотрел на ученика. Тот, в свою очередь, так же серьезно смотрел в ответ. Миг! Увесистая кисть, которую учитель щедро обмакнул в чернила, на немыслимой скорости летит в сторону Сенсома! Шаринган в глазах Мадары просто пылал, просчитывая мельчайшие движения тела Томуры — великий глава клана Учиха предугадал все!

Ребенок лишь зевнул, с напускным безразличием оставаясь на месте. Снаряд чиркнул его по волосам, почти не задев их, и пролетел дальше — на белоснежное постельное, украшавшее собой спальное место Мадары.

— Либо ты не выспался, либо выспался слишком хорошо, — с сожалением посмотрел на жирное черное пятно на кровати Учиха. — Впрочем, с такими успехами ты действительно сможешь попытаться надрать мне зад. Лет, эдак, через семьсот...

— Мне хватит двухсот, — улыбнулся Сенсома такой знакомой и теплой улыбкой. — Ладно, пойду к Мито-сама, расскажу об успехах. Не скучайте, учитель.

— Куда я денусь? — хмыкнул ему в спину Мадара. — Но кровать жалко, да... Так и запишем... Стоп! Прицепилось все-таки...

— Эй, надо поговорить, — окликнул молодой голос Сенсому, когда тот только вышел из квартала Учих.

Перерожденный обернулся и увидел перед собой парнишку лет десяти-одиннадцати в одеждах красноглазого клана с его же символикой. Он даже когда-то его уже видел — пацан выделялся среди всех мельком виденных Учих своим взглядом — слишком уж пытливый он у него.

— Чего тебе? — бывший учитель никогда не любил грубить людям, но годы постоянных схваток с хулиганами в приюте и на улицах строящейся деревни научили его правильному поведению в такие моменты. — Ты кто вообще такой?

— Меня зовут Джун, — довольно усмехнулся мальчик-Учиха. — И я давно хотел с тобой пообщаться.

— По поводу?..

— Это насчет твоего ученичества у Мадары-самы. Ты же понимаешь, что не достоин этого?

— Джун сделал шаг вперед, нависая над более щуплым ребенком. — Зачем ты пользуешься его расположением? Не видишь что ли — он занят. Решает дела клана.

— Это не твое дело, — перерожденный отступил на шаг, но Учиха не отставал. — Лучше отвали от меня.

— Испугался? — несильный толчок в правое плечо. — Не такой смелый, когда рядом нет

Мадары-самы? Будешь кричать, или как?

— Или так, — тихо ответил Сенсома и провел отличнейший апперкот аккурат в челюсть незадачливому хулигану!

Тот зашипел, но на ногах устоял, чем заработал удовлетворенную улыбку объекта своих нападок. Было бы скучно, если бы Джун оказался очередным клановым пустословом.

— Ну держись, безродный! — рыкнул парень, активируя Шаринган.

Движения Томуры стали видны четче, в то время как просчет своих движений у Джун вышел на новый уровень! Он легко подскочил к сироте и обрушил на него град ударов ногами и руками!

Сверху, снизу, с обоих боков, спереди и даже сзади — Учиха наседал отовсюду! Его движения были выверены, а голова холодна, и даже личная неприязнь к Сенсоме сейчас не играла роли. Ему нужно просто победить. Доказать свое превосходство перед этим выскочкой! Хотя бы самому себе...

— Неплохо, — почти незаинтересованно констатировал Томура, пропустив очередной удар.

— Но это всего лишь тайдзюцу твоего клана. Второй уровень. Я знал, как с ним бороться еще год назад!

Джун опешил. Сейчас Шаринган перестал так эффективно читать движения Томуры, как это было секундами ранее! Но дело же не в глазах Учихи, точно нет, но... Точно! Хитрый ублюдок постоянно совершает обманные микродвижения, которые Шаринган силится прочитать, дабы предугадать следующий ход противника! Этот Сенсома неплохо осведомлен о Ката клана проклятых глаз...

— Стихия Огня: Техника Огненного Шара! — Джун высоко подпрыгнул и выдохнул большое количество огня прямо в оппонента.

Плевать, что такую заварушку могут обнаружить и плевать, что у него потом будут проблемы! Сейчас главное — выиграть! Чакры у этого мелкого выскочки минимум, он не сможет держать темп битвы хотя бы пять минут. А Джун сможет... И сделает!

— Стихия Земли: Земляная Стена! — перед сиротой выросла преграда, не давшая огню добраться до своей цели.

На пару секунд Учиха потерял противника из виду, но тот сделал большую глупость, когда решил сам выскочить из-за своего укрытия, чтобы плюнуть мелкими камнями в юного гения одного из сильнейших кланов в Конохе!

Джун сделал сальто назад, по пути выдав еще одну технику Огня, дабы отвлечь врага, пока сам приземляется и идет на сближение. Однако, Сенсома даже не стал уклоняться или возводить преграды — он просто принял удар на грудь! От такого Учиха немного притормозил, чего хватило Томуре, чтобы выскочить из-под земли и парой уверенных ударов закончить бой!

— Тебе не достает практики, — утер пот со лба Сенсома. — Но сила есть, а ума не надо, да? Тебе меня не одолеть. Хоть на затылке еще два Шарингана отрасти. Хотя тайдзюцу на приличном уровне — не тренируйся я с Мадарой, и все было бы печально. Или дело тут в силе твоих глаз?.. Ладно, бывай, придурок...

И Томура ушел, оставив поверженного Учиху бессильно лежать на спине и смотреть в небо.

— Черт! — заплакал Джун, ударяя кулаком по земле. — Черт, черт, черт! Чертов Томура!.. Почему я такой слабый?! Почему...

Последний, самый значительный, но не такой уж и великий шажок к получению завершенной стадии Шарингана был пройден. В глазах у юного Учихи закрутилось по три Томое.

— Напал на тебя?! — взревел Мадара, когда услышал вечером пересказ дневных событий от ученика. — Этот мальчишка! Да что он себе...

— Все нормально, — перебил его Томура, пожимая плечами. — Я же победил.

Учиха осекся и бессильно махнул рукой. Изу Сенсома не обращал внимания на «мелочи». Проблема в том, что мелочами такие вещи, как нападение почти у самых ворот в клановый квартал, не называют. Но это уж точно не проблема для его ученика! Ему вообще плевать — победил, значит хорошо!

Хотя Джуна победить несложно... Мадара специально устроил жизнь мальчика так, чтобы тот не изучал продвинутые техники клана. Немножко тайдзюцу, немножко Огня — большего от дальнего родственничка и не требовалось. Его главным достоинством все считали Шаринган и прочили мелкому будущему мастера гендзюцу или просто специалиста в клановом додзюцу. На самом деле Мадара растил мальчика на убой — у него достаточно сильная чакра и крепкие и удобные «ниточки» за которые Бог Шиноби мог дергать, плюс — его не жалко.

Хотя Мадаре уже в принципе никого в клане не жалко...

Но нападать на младшего брата?! Этого Учиха не простит!

Той же ночью побитому пацану была назначена встреча. Джун не мог сказать, что шел на нее радостным, ведь тогда бы он соврал. Мальчик боялся того, что может сказать ему великий родственник. И дело даже не в нападении, дело в проигрыше. Настоящий гений клана не должен проигрывать сиротам, знающим пару удобных техник!

Да, Джуну не давали каких-то особых знаний, обещая преподнести их позже, когда тот окончательно разберется с додзюцу, развивающимся у него несоизмеримо быстрее, чем у прочих, но ведь это не значит, что можно принимать поражения так просто?

— Мадара-сама, я... — три Томое четко проявились на красном фоне. — Прошу прощения за поражение...

Мадара стоял пораженный, смотря на «выросший плод». Почти три года были потрачены не напрасно. Мальчик, что стоит сейчас перед ним, ничем не напоминает Изуну, но тот, кто унаследует эти глаза... О, Боже, дай лишь сил дотерпеть и не вырывать их прямо здесь и сейчас! Остался последний шаг. Один ма-а-аленький шажочек. И деревня будет позади, а впереди будет прекрасное будущее для мира и для него с братом...

— Ты... — Бог Шиноби прочистил горло, стараясь сделать голос более уверенным. — Ты все сделал правильно, Джун. Ты пробудил свои глаза. Я горжусь тобой.

Маленький шиноби снова не сдержал слез, но на сей раз это были слезы счастья — Мадара-

сама признал его! Он гордится им!

— Завтра же я договорюсь о специальной миссии для тебя. Будь готов. Если ты пройдешь ее с честью, я возьму тебя в ученики.

— ХАЙ! — склонился в глубоком поклоне юный Учиха.

Глава его клана улынулся. Совсем скоро...

— По новой системе, это будет ранг В, — почесал затылок Ханаяма Учиха — отец Джуна. — Я не слишком понимаю эти буквы и ранги, но... Эта миссия очень важна для тебя, как для шиноби, сын.

Пару дней назад Джун смог пробудить третье Томое в Шарингане. Вся родня была в шоке, да что там — весь клан! Таких гениев «проклятых глаз» уже давно не рождалось. Конечно, и Ханаяма и его жена гордились своим ребенком, но, в то же время, отцу семейства было как-то не по себе... Уж больно хорошо продвигался сын в таком сложном деле, как пробуждение додзюцу, при этом отставая во всех остальных дисциплинах шиноби.

Подозрительно это.

Но в данный конкретный момент Ханаяма был просто счастлив, без всяких подозрений. Его сын получил индивидуальную миссию от деревни, которую ему выбил не кто-нибудь, а сам глава клана Учиха — Мадара-сама! Пусть у главы сейчас не лучшие времена и слегка шаткое положение, его репутация и личная сила заставляют уважать этого шиноби. И часть этого уважения переходит и на Джуна, которого Мадара-сама заметил и выделил в клане. Как же любящему отцу не гордиться такими достижениями ребенка?!

Жена уже собрала вещи в дорогу. Последние наставления были даны. Крепкие объятия и прощальное напутствие-просьба: «Главное — вернись, сын». Широкая улыбка и взмах рукой.

Джун Учиха отправился на свое первое серьезное задание...

— Меня не будет пару-тройку дней, — Мадара надел свою красную броню. — Миссия. После того, как я приду, у нас с тобой будет серьезный разговор, брат.

— Определись, брат, — в тон ему отвечал Сенсома, проходящий мимо по коридору и жующий яблоко. — Ты мне учитель или родственник?

— Это мы и выясним, — тепло улыбнулся Учиха. — Я даже придумал место — тайный храм клана!

— Это который под землей? — уточнил Томура. — А меня пустят? Я там ни разу не был...

— Мы никого не спросим, — пообещал Бог Шиноби, защелкивая последний зажим. — Все, я ушел. Развлекайся без меня и постарайся хорошенько выспаться.

— Постарайся придти обратно с не надраным задом! — хохотнул младший брат.

Совсем скоро...

— «Интересно, и чем он сейчас занимается?» — подумал Сенсома, валяясь в кровати учителя и смотря в потолок. Обычно тот не разрешает в ней спать, но ведь его здесь нет...

— Мадара-сама, что вы?.. — плачет потерянный Джун.

— Испытай отчаяние, — Бог Шиноби делает лицо пострашнее и заносит клинок над головой.
— Осознай, что был лишь инструментом! Тебе было суждено родиться без будущего!

— Так и запишем — я хочу сходить с ним на миссию, — выдохнул не заснувший Томура.
— Интересно, как он сражается с врагами? Пытается ли он убить их сразу?

— НЕ-Е-Е-ЕТ! — безумно кричит Джун, лишаясь кисти правой руки.

— Шум тебе не поможет, — морщится Учиха, нависая над ним. Нога в утяжеленном ботинке придавливает культю, пробуждая еще большую боль. — Пробуждай Шаринган дальше! Чтобы я забрал его у тебя!

— Нет-нет-нет-нет! — мельтешит Джун, захлебываясь слезами и соплями. — Они мои, только мои! Мои-мои-мои-мои!

— Отдай их мне!

— Наверное пытается... Он ведь лишь со мной такой... мягкий. Нужно будет подколоть его за это. Хотя в последнее время он какой-то задумчивый и даже хмурый. Может быть беспокоится из-за моих недосыпов? Нужно будет вести себя пободрее, когда он вернется.

— Вот черт, — Мадара сплюнул на истерзанный труп мальчишки. — Мангеке не пробудил. Впрочем, этого и так достаточно... Пора отправляться на основное задание.

— И о чем он только хотел поговорить?.. — уже засыпая, бормотал себе под нос перерожденный. — Наверняка глупости какие-нибудь. Брат...

Тобирама Сенджу никогда не доверял Мадаре.

Даже когда тот согласился на создание Скрытой Деревни сообща с Хаширамой, младший Сенджу лишь наострил уши еще сильнее — подвох был очевиден.

Но прошло некоторое время, и ничего страшного не случилось. Альбинос постоянно следил за Учихой и его кланом, но те, казалось, совсем забыли о ненависти и теперь жили в мире и гармонии со всей деревней. Даже обычных людей без чакры не задирали! Будто и не Учихи вовсе!

А потом появился Сенсома Томура, изменивший Мадару навсегда.

Мальчик был одарен природой, но направлял свою одаренность совсем не туда, куда должен был. Юнец жаждал битв, в то время как Судьба уготовила ему жизнь исследователя, созидателя, творца... Мадара увидел в нем тень личности своего брата, и Тобирама прекрасно понимал своего врага — многие жесты, манера речи и увлечения — все это в сироте просто фонило Изуной! Иногда беловолосый с трудом сдерживался, чтобы не ударить по мелкому чем-нибудь убойным. Чисто так — на всякий случай. Вдруг реально Изуна?

Но потом мальчик показал, что походит не только на убитого Тобирамой брата Мадары.

— «Зеркало...» — отрешенно думал альбинос, когда у Судьбы было настроение, и та показывала Томуру с того самого ракурса, с которого он максимально походил на младшего Сенджу. — «Я даже не знаю, как себя с ним вести...»

Поэтому и отдалился максимально далеко, чтобы не «вести» совсем. С замкнутой личностью младшего брата Первого Хокаге это не было проблемой, но... Порой к пацану тянуло. Тогда Сенджу делал «исключения» и позволял сироте работать с собой. Идеи у Сенсома были что надо — Врата и Печать два ярких тому доказательства.

Мальчик был по-своему обаятелен и интересен. Даже загадочен местами. Ведь ни один ребенок в мире не мог того, что демонстрировал этот гений, выигрывающий в заумные игры у Нара, обыгрывающий на поле боя Мадару и создающий новые техники и идеи для них лучше, чем Тобирама! Парень избран Богами и Демонами.

И от Демонов Тобирама и собирался его защитить — больно уж ценный ресурс для деревни.

То, что Мадара задумал по отношению к Джуну, Сенджу узнал незадолго до назначения последнего на его первую важную миссию. Когда пришло личное прошение от Мадары отправить молодого представителя его клана в одиночку защищать какую-то шишку из окружения окружения и, еще пару раз, окружения Дайме, Тобирама решил понаблюдать.

Схватить Мадару на своих домислах не получится. Вернее, получилось бы, если бы не чрезмерная, порой, тупость и упрямость старшего брата. Хаширама не любил спешки, несправедливости и еще, почему-то, орехов. Хотя казалось бы — при чем тут орехи?

Предчувствие не обмануло Сенджу, и уже на следующие сутки, после отбытия обоих действующих в представлении Учих, случилось странное — один из них перестал выходить на связь. И у заказчика не появился.

Но, к сожалению, Тобирама слишком поздно вышел на труп невезучего Джуна, лишенный глазных яблок...

— Времени у нас маловато, — с порога начал Мадара, жестом указывая следовать за ним.
— Как ты спал?

— Очень даже и ничего, — бодро ответил ему Сенсома. — А куда спешим?

— В храм.

До святыни клана красноглазых идти было всего ничего — минут десять быстрой походкой. Внешняя его часть, а точнее — наземная, выглядела как большой жилой дом, в котором, однако, почему-то никто не жил. Тут даже мебель была, но жильцов — никаких. Сам храм находился в подвале дома, и доступ к нему имели немногие: старейшины клана и его глава — все.

И Томура что-то не видел старейшин поблизости.

Главная комната храма оказалась просторным залом с большим исписанным камнем в центре. Письмена были непонятны, как и назначение почти хирургического стола, стоящего, явно, наособицу.

— Ложись на место, - кивок в сторону стола.

— Может все же объяснишь мне все. Брат? — решился, все-таки, перерожденный назвать Бога Шиноби именно так.

Мадара улыбнулся тепло и неожиданно мягко:

— Я все расскажу в гендзюцу.

Мальчик безропотно улегся на стол и так же уверенно посмотрел своему учителю в глаза...

Абсолютно белая комната сменилась простым деревянным домом с внутренним двором в котором сейчас практиковались в тайдзюцу два молодых парня-Учихи. Перерожденный отлично знал этих парней, ведь лично пытался убить одного из них, а у второго учился уже около двух лет.

— Ваши, — он все же обратился на «вы». — Воспоминания?

Мадара, стоящий между ним и двумя братьями в своем боевом облачении, ничего не ответил. Он заговорил лишь когда воспоминание кончилось, являя другое — похороны Изуны.

— Ты был для меня всем... И остаешься, на самом деле. Со смертью Изуны я потерял себя, но ты... Ты вернул его мне. Вернул себя. Подарил. Ты стал моим младшим братом, Сенсома-кун. Тем, кто заменил мне Изуну. Даже Хаширама — ближайший мне, после брата, человек, не смог сделать и половины того, что сделал ты. Ты умен, силен и весел. Все как у него... — Учиха невесело усмехнулся. — Впрочем, у тебя есть и другие качества, не присущие моему младшему... Например — твой счет.

— Не понимаю до конца, — признался Томура, прислушиваясь к себе. — Что там — в реальном мире?

Мадара развернулся и показал ученику зеркало, будто выросшее у него в руке. Из отражения на перерожденного смотрел молодой шатен с длинными «колючими» волосами и правильным, красивым лицом. Этого человека бывший учитель математики уже привык видеть в зеркалах, единственной его особенностью от обычных отражений было...

— Шаринган?

— Сенсома Томура, — Мадара положил свои руки на плечи ребенка. — Я прошу тебя принять силу глаз Учихи Джуна и имя Учихи Изуны и стать моим братом по крови и сути. Я знаю — ты был рожден для этого. Ты был рожден с... этим. Когда ты откроешь свои новые глаза, мир навсегда изменится для тебя. Мы уйдем из деревни и сможем сделать мир лучше, с помощью силы, которую обретем в странствиях. Впереди много битв, ученик, пойдешь ли ты со мной?

Мир гендзюцу смазался, вновь возвращаясь к первоначальной белой комнате. Сенсома смотрел в глаза учителя и видел в них радость, доверие, любовь и... безумие.

— Я не против, если будет весело, но...

— Мадара! — донесся до их ушей крик из внешнего мира.

Гендзюцу главы клана красноглазых пропускало те звуки, которым он позволял проходить, ровно как и ощущения.

— Пора, — Мадара легко тряхнул мальчика. — Пойдем со мной. В новый мир!

Миг, и гендзюцу рассеялось.

— А-А-А-А! — тут же закричал Сенсома, хватаясь за глаза и вскакивая с операционного стола только для того, чтобы упасть на пол. — БОЛЬНО!

— Что?! — глава клана Учиха отшатнулся, как от удара. — Не может быть! Ты не мог быть «чистым»! Эти глаза они...

— УЧИТЕЛЬ! ЭТА БОЛЬ... — заходился в крике ученик.

Мадара стоял и с открытым ртом наблюдал за одним из самых редких феноменов в мире шиноби — полное неприятие Шарингана. Клан Учиха уже давно распускает слухи о том, что шиноби, не являющиеся членами клана, попросту не смогут использовать их додзюцу, и у них даже были примеры. Но эти примеры были лишь редчайшими исключениями из правил — основная масса людей смогла бы использовать чужой Шаринган, пусть и с ограничениями.

А Сенсома оказался в том легендарно невезучем проценте людей, которые просто не могут принять силу проклятого клана...

Выявить эту особенность чрезвычайно трудно — для этого нужно быть либо первоклассным ирьенином, точно знающим, что искать, или же мастером в фуиндзюцу, тоже делающим специальные проверки. Мадара не был ни тем, ни другим и не смог бы воспользоваться сторонней помощью, ведь соглядатаи Тобирамы и, например, Мито, сдадут его планы с потрохами, и тогда их будет невозможно исполнить.

Да и кто бы вообще мог подумать, что у ИЗУНЫ будет этот недостаток?!

— Это какая-то шутка, — шептал Мадара, бессильно смотря на страдающего сироту. — Ты же не можешь быть «чистым»! Ты же такой же проклятый, как и я! Изуна!

Очки-подарок, снятые перед операцией, хрустнули в кулаке у Бога Шиноби.

— Я Сенсома... учитель... — прохрипел ребенок, свернувшись калачиком, полным боли.

— Мадара... брат...

За пару мгновений перед Мадарой пролетели годы, проведенные вместе с Сенсомой... И, опираясь на то, что он знает сейчас, глава клана Учиха может сказать точно — это не его младший брат. Самозванец! Подделка! Все это время он не был Изуной! Он был Сенсомой!

— Учиха! — донеслось яростное с улицы. Голос было не спутать — альбинос.

— Мадара! — вторил ему его брат.

— Учитель... — хрипел почти умерший от боли ребенок.

Тело работает на автомате — рука достает кунай, а ноги в мгновение ока доставляют Мадару к бывшему ученику. Кунай у горла — мальчик должен чувствовать, как сталь холодит кожу. Один надрез... Всего лишь надавить посильнее...

— Не могу!.. — всхлипнул Бог Шиноби и отбросил железку в сторону! Он бросил последний взгляд на того, кого обучал так долго и тщательно, и сложил печати...

— Чертов кусок дерьма! — откашлялся Тобирама, понимая, что Учиха уже ушел, пробив себе путь под землей.

Храм красноглазого клана оказался осквернен, а у бетонной таблички в крови лежал мальчик, которому скоро должно исполниться десять лет и тихо скулил от боли. Его учитель оказался психом, предавшим ученика и сбежавшим из деревни. Мадара Учиха отобрал не только зрение, он отобрал у перерожденного душу...

— Нужно бежать в погоню! — воскликнул Хокаге.

— Время упущено, — мрачно ответил ему брат, осматривая помещение на предмет ловушек и прочего. — Он ушел.

— Тогда...

— Тогда надо тут убратся, — Тобирама перебил Хашираму и подошел к мальчику, доставая кунай. — Малодушный ублюдок даже не добил юнца. Жаль. Парень мог вырасти достойным шиноби...

— Стой, Тобирама! — старший брат вклинился между ребенком и альбиносом. — Мы же можем спасти его!

— Что толку? Он совершил ошибку, поверив Мадаре, и теперь расплатился за нее зрением. Глаза все равно придется вырезать — они убьют его. Да и психическое состояние...

— Это и наша ошибка тоже! — упрямо мотнул головой Первый Хокаге, начав аккуратно удалять опасные глаза из глазниц мальчика. — Мы тоже доверились... доверились ему, думая, что он удержит Мадару.

Беловолосый Сендзу ничего не ответил, угрюмо смотря на полумертвого мальчика и его разбитые очки, валяющиеся неподалеку.

— Мадара Учиха... — прошипел он.

<http://tl.rulate.ru/book/56490/1441201>